

КАТАЛОМБЫ ФАРЫ.

КАТАКОМБЫ ФАРЫ.

(Изъ варшавскихъ воспоминаній.)

Я очень люблю Варшаву. Мало того, я влюбленъ въ нее. Да, влюбленъ въ нее, какъ въ городъ, за ея наружность. Эта влюбленность совершенно походить на ту влюбленность, которую иногда можетъ возбудить въ человѣкѣ *наружность* женщины. Вамъ нѣтъ дѣла до ума, до характера, до нравственныхъ качествъ этой женщины, — вы ихъ обходите мимо и любуетесь на одну внѣшнюю сторону, на овалъ милосиднаго лица, на блестящія глазки, на роскошные волосы, на артистически выточенный торсъ — и остаетесь совершенно довольны этимъ любованьемъ и тѣмъ чувствомъ, которое оно въ васъ возбуждаетъ. Словомъ сказать, вы влюблены въ наружность. Также точно и я влюбленъ въ Варшаву. Но между влюбленностью въ наружность женщины и моею влюбленностью въ наружность Варшавы есть маленькая разница. Женщина вызываетъ въ насъ это чувство своею молодостью и свѣжестью, а что касается меня и Варшавы, то тутъ совсѣмъ наоборотъ: Варшава нравится мнѣ, какъ и Москва, какъ и Новгородъ, какъ и Кіевъ, своею древностью, дряхлостью, стариною. Поэтому, я собственно влюбленъ въ ту часть Варшавы, которая носитъ имя „Старого города“, а въ самомъ старомъ городѣ, мнѣ болѣе всего нравится *Старэ място* — торговая площадь, гдѣ во время оно совершались историческія казни, гдѣ были замучены Наливайко и много

казацкаго люда съ Запорожской сѣчи, упорной стойательности за свою вѣру и народность.

„Старѣ мѣсто“ безобразно красиво.

Представьте себѣ параллелограмъ, или даже почти квадратъ. Со всѣхъ сторонъ его возвышаются четырехъ и пятиэтажные дома, надъ которыми, такъ и кажется вамъ, будто еще и до-сихъ-поръ всецѣло носится вѣяніе среднихъ вѣковъ. Это — узкія, высокія строенія, каждое въ два, три окна, прорубленныхъ часто безъ всякаго симметрическаго отношенія одного къ другому. На самомъ чердакѣ вдругъ гдѣ-нибудь возвышается отдѣльная пристройка, въ видѣ стекольчатой галлерейки или фонарика, обрамленная какимъ-нибудь чугуныиъ балкончикомъ. Тутъ же, глядишь, прилѣпилось и скульптурное украшеніе: маленькія пирамидки, каменные шары, статуетка Матки-Божкей или какого-нибудь святаго на пьедестальчикѣ. Все это ветхо, мѣстами приходитъ въ разрушеніе; а потому все это очень красиво. Высокія почернѣлыя черепичныя кровли мѣстами нахлобучились надъ этими узкими и высокими домами. Цвѣта: голубой, розовый, зеленый, фіолетовый, желтый и сѣрый, вылинявшіе и запятнанные отъ времени, покрываютъ стѣны этихъ домовъ. А разнокалиберныя окна, въ которыхъ видѣются то пестрыя лохмотья, то полосатыя шторки, то свѣжая зелень цвѣтовъ, усиливаютъ впечатлѣніе общей пестроты „Старѣ мѣста“. Ворота нѣтъ ни въ одномъ домѣ, а есть только дверь, ведущая въ него прямо съ площади—дверь массивная, щедро окованная желѣзными скобами и украшениями, съ огромнымъ замкомъ и болтами, навѣрное помнящими XVI столѣтіе.

Посереднѣиъ площади, которая загромождена торговыми навѣсками и ларями, находится круглая цитерна. Изъ центра этой цитеры возвышается чугунная статуя женщины. Это не женщина—это сирена съ энергически закрученнымъ рыбьимъ хвостомъ. Она подняла вверхъ все свое туловище, лѣвою рукою прикрыла себя овальнымъ щитомъ, а правая размахисто закинута у нея въ разящее движеніе. Такъ и ждешь, что вотъ-вотъ сейчасъ она ударитъ тебя съ разма-

ху своимъ закривленнымъ мечомъ. Эта сирена — древній гербъ города Варшавы, который принадлежитъ ему и по настоящее время.

Въ площадь Старэго мяста впадаетъ Свенто-Янская улица—одна изъ самыхъ древнихъ въ этомъ городѣ. Точно такіе же узкіе, высокіе дома замыкають ее съ обѣихъ сторонъ. Толкотня и непрерывное движеніе наполняютъ ее съ ранняго утра до поздняго вечера. Сотни лавченокъ, которыя въ одно и то же время и лавченки и мастерскія, патриархально выказываютъ въ незатворенныя двери всю свою неказистую, но весьма пеструю внутренность, гдѣ вы можете видѣть и хозяина за работою, купно съ чадами и домочадцами и подмастерьями. Грязныя, безобразныя жиловки, въ порыжело-атласныхъ парикахъ, штопають, поряť и перешиваютъ разное тряпье, сидя на порогѣ своихъ лавченокъ, наполненныхъ всякимъ непригоднымъ хламомъ, гдѣ надъ дверью непременно болтается по вѣтру подвѣшенный на врюкъ распущенный женскій зонтикъ, служа неизмѣнно вывѣскою каждой подобной лавченкѣ. Изъ глубины лавочки выглядываютъ на улицу либо пейсы Израилева сына, либо два черные глаза его красавицы-дочери. Замѣчательно, что еврейскія дѣти и очень молодыя дѣвушки отличаются весьма замѣтною красотою, которая, съ выходомъ замужъ, проходитъ совершенно, переходя часто въ полное безобразіе, такъ-что красивая еврейка тридцати двухъ или пяти лѣтъ въ жиновскомъ кварталѣ Варшавы, гдѣ-нибудь „на *Налевака*“, составляетъ почти исключеніе изъ общаго уровня сверстницъ.

Свенто-Янская улица очень узка. Она никакъ не шире нашего Щербакова переулка, который почитается въ Петербургѣ чуть ли не самымъ узкимъ, тогда-какъ въ Варшавѣ Свенто-Янская улица является широкою сравнительно съ какимъ-нибудь Рыцарскимъ переулкомъ, имѣющимъ въ ширину не болѣе двухъ шаговъ съ половиною. Кромѣ того, что Свенто-Янская улица узка, она и достаточно темна, потому-что высокіе дома заслоняють собою свѣтъ Бо-

жій. Узкость ея между прочимъ служить причиною, что вы никакъ не составите себѣ общаго впечатлѣнія, которое должна производить на наблюдателя наружность свенто-янского костела. Вы лишены возможности отойти на должное разстояніе, съ котораго можно было бы вполне полюбоваться на гармоническое сочетаніе линій, являющихъ собою полуготическій рисунокъ главнаго фасада этой церкви. Цѣлое ускользаетъ отъ вашего взора. Вы силитесь уловить его, подаетесь назадъ, закидываете вверхъ голову и упираетесь затылкомъ въ стѣну какого-нибудь древняго дома на противоположной сторонѣ улицы—и все-таки не видите того, чего вамъ хотѣлось бы. Это недостатокъ, который, благодаря узкости древнихъ улицъ, глядящихъ какими-то трущобными ущельями, свойственъ большей части средневѣковыхъ сооружений, замѣчательныхъ художественностью своей архитектуры. Вы видите только нѣкоторые детали, скругленно-заостренные арки, розетки и часть граціозныхъ и въ то же время какъ-то суровыхъ линій, уносящихся вверхъ. Вы можете въ отдаленности, но частимъ, разглядѣть почти каждую часть собора, перемѣняя для этого точку зрѣнія и выбираясь при случаѣ на четвертый этажъ противоположнаго дома; но *общаю* вамъ никакъ не уловить за-разъ своимъ взоромъ. Это общее можно только *чувствовать*, воображать, но не *видѣть*, потому-что для видѣнья у васъ нѣтъ достаточно отдаленнаго пункта, потому-что вы все-таки остаетесь внѣ главнаго фокуса, который помогъ бы вамъ въ очію и притомъ сразу, внезапно усвоить себѣ впечатлѣніе, производимое цѣлымъ.

Свенто-янский костелъ—одно изъ самыхъ древнихъ зданій Варшавы. Его грубыя, сѣрыя стѣны перевидали многое на своемъ долгомъ вѣку... И какъ во время оно, такъ и теперь, онъ играетъ роль главнаго кафедральнаго собора. Но вы рѣдко услышите въ народномъ говорѣ его официальное названіе. У всего варшавскаго населенія, онъ преимущественно извѣстенъ подъ общепотребительнымъ именемъ „Фары“.

— Куда панна такъ спѣшить? спросите вы въ воскре-

сенье утромъ почти любую изъ обитательницъ прилегающей окрестности.

— До Фары! отытнитъ вамъ тотъ полный, густой, мелодическій контральтъ, который вообще такъ свойственъ всеѣмъ хорошенѣйшимъ варшавянкамъ.

Если вы пойдете по Свенто-Янскоу улицѣ, направляясь отъ Зигмундтовой площади къ Старѣму Мѣсту, то, поровнявшись съ древнимъ каменнымъ домомъ красновато-бураго цвѣта, увидите крытую арку воротъ, надъ которою возвышается четырехсторонняя башня въ самомъ древнемъ, почти первобытно-простомъ романскомъ стилѣ. Верхній этажъ ея пусть, и окна его прикрыты рѣшетчатыми ставнями деревянныхъ ставень, а за маленькими стеклами нижнихъ этажей копошится жизнь, видны признаки какихъ-то обывателей. Эта старая башня — колокольня Фары. Подъ нею, начиная съ арочнаго пролета, идетъ Деканѣя улица, гдѣ съ правой стороны высится зданіе фарской *Плебани*, выходящее на Свенто-Янскую улицу тѣмъ красновато-бурымъ зданіемъ, которое вы только-что миновали. Этотъ домъ, необыкновенно мрачнаго вида, наполненный темными переходами, узкими корридорами и еще болѣе узкими лѣстницами, весь состоитъ изъ маленькихъ квартирковъ, заселенныхъ причтомъ и прислугою собора. Его глубокія подземелья напоминаютъ собою глухія, мрачныя темницы былаго времени.

У входа въ арку Деканѣей улицы неизмѣнно стоитъ небольшая выставка, ведущая торговлю образками, талисманчиками, мѣдными крестиками и плохими литографіями, которыя изображаютъ разныхъ святыхъ и преимущественно „Матку Бозку Ченстоховску“. Изображеніе ея столь обще по всей Варшавѣ и по всей Польшѣ, что эту литографію вы на каждомъ шагу увидите надъ входною наружною дверью каждаго добраго сына католической церкви. Въ самой же аркѣ, равно-какъ и передъ тремя массивными дверями собора, окрашенными въ зеленый цвѣтъ, вы непременно замѣтите нѣсколькихъ нищихъ, старцевъ, калѣкъ и слѣпышей, ко-

торые спягъ тутъ съ непокрытою головою въ теченіе цѣлаго дня и все бормочуть, все бормочуть про-себя какія-то молитвы.

Пойдемте въ этотъ соборъ — онъ стоитъ, чтобъ полюбоваться на него. Если наружность Фары не могла произвести на васъ гармоническаго впечатлѣнія стройнаго и строгаго цѣлаго, то внутренность собора вполне вознаградить собою этотъ недостатокъ, созданный случаемъ и вѣками.

Какъ бы ни палило солнце, какъ бы ни былъ жарокъ день—тотчасъ же чувствуешь живительную прохладу, едва лишь вступишь подъ темные, тяжеловатые своды фарскаго притвора.

Вотъ открывается передъ глазами длинная перспектива, замкнутая съ двухъ сторонъ бѣлыми массивными колоннами, по которымъ тамъ и сямъ разставлены на консоляхъ большія статуи католическихъ святыхъ. Вся внутренность церкви блеститъ почтенною, древнею бѣлизною, залита широкимъ свѣтомъ, при которомъ до малѣйшей почти подробности выдаются выточенные изъ камня узоры и арабески главной каеэды. Эта каеэда, легкую рѣзною и прозрачною бѣзидкою, прилѣпилась у одной изъ грандіозно-готическихъ боковыхъ колоннъ. Вы стоите въ темномъ, прохладномъ, тяжелосводномъ притворѣ, и отъ этого внутренность храма кажется вамъ необыкновенно свѣтлою, бѣлою и прозрачною. Но чѣмъ свѣтлѣе будетъ она казаться вашему взору, тѣмъ болѣе выиграетъ эффектъ задней части храма, гдѣ помѣщается главный алтарь и хоры. Вы видите тамъ таинственно сумрачную глубину, фантастически озаренную слабымъ свѣтомъ, проникающимъ сюда сквозь два окна—высокія, готическія, росписанныя тысячами разнообразныхъ арабесковъ, отраженіе которыхъ играетъ на каменномъ помостѣ алтаря всѣми цвѣтами и переливами радуги. Тамъ все сумрачно, все таинственно, все фантастично, начиная съ этихъ огромныхъ вызолоченныхъ статуй, которыя прячутся въ нишахъ запрестольнаго образа, съ этихъ дубовыхъ хоровъ, украшенныхъ древнею рѣзбою и гербами Пястовъ да Ягел-

лововъ, и кончая густою вибраціею органныхъ аккордовъ, раздающихся гдѣ-то высоко въ религіозной тишинѣ этого храма. Тамъ и сямъ видѣется нѣсколько женскихъ колѣнопреклоненныхъ, распростершихся фигуръ; мелькаетъ риза ксендза передъ однимъ изъ боковыхъ предѣловъ; время отъ времени звучитъ тоненькій колокольчикъ, потрепываемый рукою колѣнопреклоненнаго мальчика, въ обычной *близинѣ* *), а органъ все гудитъ и вибрируетъ, полна за волною, звукъ за звукомъ, наполняя храмъ какою-то мистическою гармоніей....

Фара имѣетъ свои подземелья, какъ имѣетъ ихъ и каждый изъ варшавскихъ и каждый почти изъ древнихъ западно-европейскихъ храмовъ.

Эти подземелья, вообще, очень любопытны. Мнѣ они известны очень близко, и съ двумя изъ нихъ я хочу познакомить отчасти моего читателя.

Но сперва надо объяснить, почему и какъ они *мнѣ* знакомы.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ 1865 году была назначена въ Варшавѣ особая коммиссія для изслѣдованія подземелій и подземныхъ ходовъ, о которыхъ издавна уже ходили разные слухи, но которые, тѣмъ не менѣе, мало кому были известны, да и то, большею частью, по слухамъ же, и составляли для иныхъ предметъ нѣсколько баснословныхъ разсказовъ. Въ коммиссіи этой — какъ и во всѣхъ коммиссіяхъ на свѣтѣ — были, разумѣется, коммиссіонные члены, въ числѣ которыхъ находились: инженеръ, членъ для завѣдыванія топографическими работами, членъ по археологической части, и авторъ этихъ строкъ, въ качествѣ члена-литератора, для веденія журнала и описанія тѣхъ предметовъ, которые подлежали изслѣдованію. Сверхъ того, въ распоряженіи коммиссіи была коман-

*) Ничго въ родѣ коротенькой сорочки или скорѣе женской кофты, надѣваемой священнослужителями во время священнодѣйствія.

да рабочихъ солдатъ, вооруженныхъ шанцевымъ инструментомъ.

При этихъ условіяхъ—понятное дѣло—намъ былъ доступенъ входъ въ такія подземелья, куда едва ли могъ проникнуть кто-либо изъ частныхъ людей. Во всякомъ случаѣ, въ прежнее время ихъ находили болѣе удобнымъ скрывать, чѣмъ показывать.

Варшавскія подземелья вообще представляютъ видъ высокихъ залъ и корридоровъ, большая часть которыхъ выстроена въ землѣ очень тщательно и прочно. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ нѣчто въ родѣ туннелей, имѣющихъ почти цилиндрическую форму, другія являютъ комнаты и залы съ готическими сводами, арками и колоннообразными устоями. Есть подземелья, идущія вглубь подъ землю на два яруса, и онѣ называются тамъ „дубельтовыми“. Есть и такія, которые представляютъ довольно куріозную коммуникацію подъ землею, такъ-что, спустясь въ подземелье одного дома, вы черезъ нѣсколько времени очутитесь подъ соседнимъ, а еще далѣе подъ третьимъ или четвертымъ, которые всѣ принадлежатъ разнымъ владѣльцамъ. А кармелитскія катакомбы на Краковскоѣ Предмѣстѣи, напримѣръ, представляютъ дѣлый подземный лабиринтъ высокихъ залъ, комнатъ, туннелей, переходовъ, корридоровъ, темничекъ и всяческихъ закоулковъ, гдѣ весьма легко заблудиться, такъ-что и не выйдешь безъ опытнаго проводника изъ этой тьмы кромѣшной. Все это постройки очень стараго времени.

Неоднакратно приходилось намъ въ нѣкихъ изъ этихъ подземелій находить слѣды, быть можетъ, преступлений, совершенныхъ когда-то въ глубокой тайнѣ и теперь уже сокрытыхъ для правосудія. Въ „пивницѣ“ *) одного частнаго дома при изслѣдованіи одной замурованной и неизвѣстно куда выводящей арки былъ случайно открытъ человѣческій черепъ, правая височная кость котораго оказалась прострѣлена пулею. Черепъ, повидимому, давно уже

*) Подвалъ.